

A woman with long, flowing blonde hair and blue eyes is the central figure. She is wearing a rich, dark red dress with intricate gold embroidery and a high collar. She holds a glowing torch in her right hand, which illuminates her face and the surrounding scene. The background is a city in flames, with smoke and fire rising from the ruins of buildings. The overall atmosphere is dramatic and intense.

Сергей Патрушев

Геральт из Кресс-Вилла

Сергей Патрушев
Геральт из Кресс-Вилла

«Автор»

2026

Патрушев С.

Геральт из Кресс-Вилла / С. Патрушев — «Автор», 2026

Маг Огня, чей дар не знает равных, и травница, чья сила исцеляет то, что недоступно магии. Случайная встреча в охваченной пожарами долине становится началом пути, который изменит судьбу королевства. Геральт из Кресс-Вилла, Королевский Арбитр и Пиромант, послан остановить юную девушку, чья неконтролируемая магия испепеляет деревни одну за другой. Вместо врага Арбитр находит Анну — знахарку, убеждённую, что ребёнка можно спасти, а не уничтожить. Этот выбор запускает череду событий, ведущих в самое сердце столицы, где сокрыта тайна смерти короля. Расследование приводит Геральта и Анну в подземелья древнего города, где эльфийский маг Каэль веками охраняет Сердце Изначального Огня — артефакт, способный как уберечь мир от древнего зла, так и обратить его в пепел. В подземной твердыне томятся невинные маги, и среди них — брат Геральта, похищенный семь лет назад. Чтобы освободить его, предстоит столкнуться с эльфийскими ассасинами, королевскими заговорами и собственным прошлым.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая: Искры над пеплом	5
Глава вторая: Тень под короной	11
Глава третья: Ключ в пламени	17
Глава четвертая: Сыворотка истины	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Геральт из Кресс-Вилла

Глава первая: Искры над пеплом

Геральт стоял на краю выжженного поля, и ветер трепал полы его длинного кожаного плаща, бросая в лицо горький запах гари и разложения. Солнце клонилось к закату за зубчатой стеной Восточного Леса, окрашивая небо в цвет запекшейся крови. Он смотрел на то, что осталось от хутора, и в его глазах, цвета темного серебра, не отражалось ничего, кроме усталого, привычного понимания. Третий сожженный двор за последние десять дней. И снова тот же почерк — не просто огонь, а пламя, несущее в себе отпечаток хаотичной, дикой воли. Магический огонь.

Он присел на корточки, проведя ладонью над слоем пепла. Ладонь чуть дрогнула, отзываясь на остаточный эфирный фон. Да, это не был обычный пожар от удара молнии или небрежности с лучиной. Здесь пламя текло, как вода, обходило одни предметы, чтобы с яростью наброситься на другие. Сарай сторел дотла, превратившись в стекловидный шлак, а стоящая в двух шагах яблоня лишь слегка обуглилась с одного бока. Геральт закрыл глаза, и перед его внутренним взором вспыхнула знакомая алая вязь — хаотичное плетение, лишенное стройности академических школ, но наполненное грубой, первобытной силой. Источник был близко. Очень близко.

Его звали Геральт из Кресс-Вилла, и он был магом Огня. Не просто чародеем, изучившим несколько заклинаний пирокинеза, а тем, кого старая, почти забытая классификация именовала Пиромантом. Его связь с изначальной стихией была не академической дисциплиной, а симбиозом, сродни дыханию. Он не плел заклинания пассами и словами — он повелевал огнем усилием воли, превращая его в продолжение собственного тела. Он мог заставить пламя танцевать на своей ладони, не обжигая кожи, мог услышать шепот тлеющего угля и увидеть прошлое по узору сажи. Много лет назад этот дар стоил ему дома и наставника, а его самого привел в ряды Королевских Арбитров — странствующих вершителей справедливости, не подчиняющихся ни одному королю, но служащих всем, кто готов заплатить за их опасное ремесло.

Он выпрямился и пошел по тропе, ведущей в лес. След был четким, словно тот, кого он искал, даже не пытался скрываться. А может быть, и не мог. Геральт чувствовал пульсацию дикой магии, подобную неровному биению больного сердца. Это была не злая воля, нет. Это была магия, вышедшая из-под контроля, снедающая своего носителя так же неумолимо, как пожирала эти дома. Обычные крестьяне называли таких одержимыми, жрецы кричали о скверне, а королевские указы требовали немедленного уничтожения. Но Геральт за годы службы усвоил одно простое правило: прежде чем выносить приговор, нужно увидеть лицо. Даже если это лицо уже объято пламенем.

Лесная чаща сгущалась, и звуки внешнего мира умирали один за другим. Птицы замолкли, и в этой внезапной, ватной тишине Геральт услышал его — тонкий, едва уловимый аромат. Запах жимолости и речной мяты, пробивающийся сквозь вездесущую вонь гари. Это было настолько неожиданно и чужеродно, что он остановился, положив руку на рукоять короткого меча. Запах становился сильнее, ведя его в сторону от основного следа, к небольшой поляне, скрытой за стеной дикого орешника. Раздвинув ветки, Геральт замер.

Посреди поляны, на коленях, стояла девушка. Ее простое серое платье было испачкано землей и зеленью трав, а длинные каштановые волосы, выбившись из-под косынки, влажными прядями липли к раскрасневшемуся лицу. Она не видела его, полностью поглощенная своим занятием. Ее руки, тонкие и сильные, с невероятной бережностью и скоростью перебирали стебли и листья, разложенные на чистой холстине. Она срывала цветки дикой мальвы, складывая их в холщовый мешочек на поясе. Перед ней стояла небольшая плетеная корзина, доверху наполненная дарами леса. Но не это заставило мага замереть. Вокруг девушки, в радиусе трех шагов, трава была неестественно, пугающе зеленой. Среди жухлого, прибитого осенними холодами разнотравья, этот круг пылал жизнью, словно здесь прошел свой собственный, отдельный солнечный луч. Геральт прищурился, сканируя ее эфирное тело. Он ожидал увидеть отголоски того же дикого пламени, что уничтожило хутора, но не почувствовал ничего. Совершенно ничего. Ни единой искры магии. Она была пуста, как стекло, но при этом излучала такую концентрированную жизненную силу, что у него на мгновение перехватило дыхание.

— Ты долго собираешься там стоять? — неожиданно произнесла девушка, не поднимая головы. Голос у нее был низкий, спокойный, с легкой хрипотцой. — У меня к тебе дело есть, чародей.

Геральт медленно вышел из-за кустов, не убирая руки с меча. Теперь она подняла на него глаза — большие, зеленые, цвета молодой листвы, в которых не было и тени страха. Только сосредоточенное внимание травницы, оценивающей новый, неизвестный ингредиент.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он, стараясь, чтобы его голос звучал ровно.

— Ты тот, кто ищет источник пожаров в долине, — ответила она просто, возвращаясь к своей работе. Ее пальцы аккуратно отделили корень окопника от стебля. — Ты идешь по его следу уже два дня. Твой конь подкован на южный манер, но сам ты с севера, судя по выговору. И ты пахнешь дымом и озоном. Магия Огня, я права?

Она говорила об этом так буднично, словно перечисляла приметы грибов. Геральт почувствовал странное, забытое чувство — любопытство.

— Права, — признал он, чуть расслабившись. — А ты, как я погляжу, травница?

— Анна, — представилась она, наконец вытерев руки о передник и поднимаясь с колен. Она была выше, чем ему показалось сначала, с гибкой, сильной фигурой человека, привыкшего к долгим переходам по лесу. — Травница, знахарка, повитуха и, если понадобится, могу принять роды у козы. Но сейчас не об этом. Ты идешь за девочкой, которую они называют Огненной Ведьмой. И я пришла просить тебя не убивать ее.

Геральт нахмурился. Вся его профессиональная натура восстала против такого прямого вмешательства в ход расследования.

— Девочка уничтожила три хутора. Есть жертвы, — холодно сказал он. — Трое погибших, насколько мне известно. И это только начало. Дикий дар Огня — это не болезнь, это приговор, который она приводит в исполнение сама, даже не осознавая этого.

— Ей двенадцать лет, маг! — в голосе Анны впервые прорезалась сталь. — Ее зовут Лири, и полгода назад она была обычным ребенком. Она не ведьма, она одержима. И это разные

вещи. Я знаю, что говорю. Я нашла ее три дня назад в овраге у Мертвого Ручья. Она в горячке, в бреду, и искры сыплются с ее пальцев каждый раз, когда она кашляет. Но она еще жива и еще борется. Я не дам тебе вонзить меч в ребенка, следуя тупому указу какого-то разжиревшего короля, который никогда не видел дальше стен своего замка.

Она смотрела на него с вызовом, сжав маленькие кулаки, и в этот миг напоминала не знахарку, а разъяренную рысь, защищающую потомство. Геральт медлил. Королевский указ был однозначен: зафиксированный дикий выброс неконтролируемой магии карается нейтрализацией источника. Но он также знал, что между «зафиксированным выбросом» и «двенадцатилетней девочкой в горячке» лежит пропасть, заполненная бюрократической трусостью и человеческим равнодушием.

— Допустим, я соглашусь взглянуть на нее, — произнес он, тщательно взвешивая слова. — Но если я увижу, что процесс необратим, что она превратилась в сосуд для стихии, мой долг будет ясен. Огонь — не та стихия, с которой можно играть в сострадание. Он сжигает все, включая страдающих.

Анна кивнула, и ярость в ее глазах сменилась чем-то похожим на надежду, смешанную с отчаянием.

— Я понимаю. Идем. Тут недалеко, в старой сторожке лесника.

Они шли через лес молча. Солнце уже село, и под кронами деревьев стусился лиловый сумрак. Анна двигалась удивительно бесшумно, угадывая тропу каким-то внутренним чутьем. Геральт, привыкший к магическому восприятию пространства, был вынужден признать, что ее навыки ориентирования были близки к совершенству и без всякого колдовства. Несколько раз она останавливалась, срывая по пути какие-то корешки или листья, и прятала их в многочисленные карманы своего передника. Это было похоже на навязчивую идею, ритуал, который она не могла прервать даже перед лицом возможной катастрофы.

Сторожка оказалась покосившимся срубом, вросшим в землю посреди бурелома. Из ее единственного затянутого бычьим пузырем окошка пробивался слабый, дрожащий свет. Подойдя ближе, Геральт понял, что это не свет свечи. Это было низкое, тлеющее алым свечение, идущее изнутри. Воздух вокруг был теплым и сухим, несмотря на вечернюю сырость. Он вопросительно посмотрел на Анну.

— Это она, — прошептала девушка, и в ее голосе прозвучала такая боль, что у Геральта сжалось сердце. — С каждым часом ей все хуже. Я перепробовала все настои: валериану, пустырник, сон-траву с молоком. Сначала помогало, но теперь огонь внутри нее пожирает любое снадобье быстрее, чем оно успевает подействовать. Моя магия... моя сила в травах, в их сути, но против этой стихии я бессильна. Я могу лишь оттягивать неизбежное.

— Твоя магия? — переспросил Геральт. — Я не чувствую в тебе магии.

Анна грустно усмехнулась, подходя к двери.

— Потому что вы, маги Высоких Искусств, привыкли видеть только то, что горит или искрит. Вы не замечаете силы корня, пробивающего камень, или силы почки, раскрывающейся

весной. Моя сила — это сила роста, жизни и восстановления. Она не создает огонь, она, скорее... вода. Тихая и незаметная. Но даже самая тихая вода камень точит.

С этими словами она открыла дверь, и на них пахнуло жаром, как из печи. Геральт шагнул внутрь, и его магическое зрение мгновенно зафиксировало хаос эфирных потоков. Центром этого хаоса была маленькая, скрюченная фигурка на куче соломы в углу. Девочка, Лира, лежала без сознания. Ее лицо пылало нездоровым румянцем, волосы обгорели почти до корней, а простая льняная рубашка была покрыта черными опалинами. Вокруг ее рук, судорожно сжимающих край грубого одеяла, плясали и переливались крошечные огоньки, похожие на светлячков. Но эти светлячки прожигали в одеяле дыры с тихим, зловещим шипением.

— Лира, я вернулась, — мягко сказала Анна, опускаясь рядом с ней на колени. Она не обращала внимания на жар, на искры, летящие от тела девочки. Она положила свою ладонь на пылающий лоб ребенка и начала тихо напевать. Это не было заклинание в привычном понимании. Это был ритмичный, успокаивающий речитатив, похожий на колыбельную. И Геральт, к своему изумлению, увидел, как по ее пальцам, соприкасающимся с кожей девочки, разливается бледно-зеленое, прохладное сияние. Оно не боролось с огнем, не гасило его. Оно словно обволакивало его, успокаивало, как мать успокаивает капризного ребенка. Свечение травницы и пламя девочки сплелись в молчаливом поединке, и на мгновение Геральту показалось, что зелень побеждает. Но затем огонь вспыхнул с новой силой, отбросив руку Анны. Девочка застонала, и с ее губ сорвалась струйка дыма.

— Видишь? — прошептала Анна, и на ее глазах выступили слезы бессилия. — Он пожирает ее. Это не ее дар, это паразит, огненный элементаль низшего порядка, который вселился в нее, когда она случайно нарушила границу кургана в Яблоневоу лошине. Я выяснила это вчера. Ее тело для него — идеальный сосуд, полный жизни, которую он перерабатывает в жар. Я могу питать ее, замедлять горение, но изгнать его не в силах.

Геральт смотрел на ребенка, на отчаянные попытки травницы помочь, и внутри него что-то медленно переворачивалось. Всю свою жизнь он имел дело с Огнем. Он повелевал им, подчинял своей воле, использовал как оружие и как инструмент. Он знал его разрушительную, яростную, безжалостную природу. Но он также знал и другую его сторону — тепло домашнего очага, животворящее солнце, свет, побеждающий тьму. Ему говорили, что он лучший, что его связь с пламенем уникальна. Но сейчас, глядя на это маленькое страдающее существо, он понял, что все его звания и регалии — ничто, если он не может справиться с искрой, мучающей ребенка.

Он подошел ближе и опустился на одно колено рядом с Анной. Девушка подняла на него заплаканные глаза, в которых читалась немая мольба и вызов. Она ждала приговора. Геральт стянул правую перчатку и медленно, невероятно осторожно, протянул руку к пляшущим на ладони Лире огонькам. Анна дернулась, чтобы остановить его, но замерла, замороженная.

— В Академии, — заговорил Геральт тихо, его голос звучал глухо в наполненном жаром помещении, — нас учили, что Огонь — это стихия чистой воли. Нельзя погасить чужое пламя, не переломив волю его хозяина. Если это элементаль, то его воля — просто примитивный голод. И с ним можно... договориться на его же языке.

Он не был уверен, что у него получится. Он никогда не делал ничего подобного. Он сражался с огненными големами, развеивал боевые заклинания врагов, но никогда не пытался

изгнать паразита из тела ребенка, не навредив этому телу. Это была ювелирная работа, требующая не силы, а точности, которой у него, как он всегда считал, не было. Он был молотом, а не скальпелем. Но сейчас выбора не было.

Он закрыл глаза и потянулся к источнику своей силы. Знакомый жар отозвался в груди, приливая к кончикам пальцев. Но вместо того, чтобы обрушить его на элементалю грубой силой, он начал плести тончайшую, невидимую нить чистой пламенной энергии. Он сделал свое пламя не горячее, чем пламя элементалю, а точно таким же. Он подстроился под его частоту, слился с ним на эфирном уровне. Это было невероятно трудно. Пот градом катился по его лицу, мгновенно испаряясь в горячем воздухе. Анна замерла рядом, боясь даже дышать.

И вот кончики его пальцев коснулись крошечных огоньков. В тот же миг в его сознание хлынул поток чужих, хаотичных образов: голод, страх, злоба и бесконечное, тоскливое желание вернуться домой, в жаркое сердце земных недр. Геральт не стал бороться. Он принял этот поток и перенаправил его, показав существу другой путь, не через плоть ребенка, а через мост, созданный его собственной волей. Он дал ему то, чего у него не было — четкое направление вниз, в безопасное, расплавленное лоно земли.

— Уходи, — прошелестел он одними губами, вкладывая в этот посыл всю свою власть.
— Я — Путь. Следуй за мной.

И элементаль, примитивная голодная искра, повиновался. Геральт почувствовал, как по его руке, словно электрический разряд, проходит нечто обжигающе-холодное. Это было противоестественное ощущение — жар, который ощущается как холод. Оно пронзило его тело, прошло через позвоночник и ушло в землю, заставив пол под ними на мгновение нагреться и пойти тонкими трещинами. И наступила тьма.

Тишина. Внезапная, оглушительная тишина, нарушаемая только тихим, глубоким дыханием спящей девочки. Жар спал мгновенно, сменившись промозглой сыростью старой сторожки. Огоньки на ее руках погасли, лицо постепенно обретало нормальный оттенок. Анна, не веря своим глазам, бросилась к Лире, прижала пальцы к ее шее, считая пульс. Он был ровным, сильным, нормальным.

— Боги... — выдохнула она, и по ее щекам снова потекли слезы, но теперь это были слезы облегчения. — Ты... ты сделал это. Как?

Геральт обессиленно опустился на земляной пол. Его правая рука висела плетью, пальцы онемели и покалывали, словно он отлежал их во сне. Он смотрел на спящую девочку, на склонившуюся над ней Анну, и чувствовал странную, давно забытую опустошенность. Не ту, что приходит после боя, а другую — светлую.

— Я просто указал путь тому, кто заблудился, — тихо ответил он. Его взгляд упал на соединенные руки Анны и Лир. Одна — сильная, пахнущая травами и землей, дарующая жизнь. Другая — маленькая, хрупкая, только что вырванная из лап смерти. И его собственная рука, все еще хранящая след от недавнего чужеродного жара.

Огонь — это не только разрушение. Этот урок ему преподали не в Академии, а здесь, в темной лесной сторожке, на границе жизни и смерти. И преподали его отчаянная травница, чью магию он даже не смог сразу разглядеть, и двенадцатилетняя девочка, которая не была ведьмой.

За окном занимался рассвет, серый и прохладный. Геральт сидел на полу, чувствуя, как к нему медленно возвращаются силы, и понимал, что эта встреча была не случайной. Предназначение плело свою паутину, и в ее центре, среди искр над умирающим пеплом, оказались они трое.

Глава вторая: Тень под короной

Прошло три дня. За это время Лира окончательно пришла в себя — бледная, исхудавшая, с огромными испуганными глазами, но живая и свободная от огненного паразита. Анна не отходила от нее ни на шаг, поила укрепляющими отварами, меняла повязки с мазью из окопника на ожогах и тихо разговаривала с ней долгими ночными часами, возвращая детскому разуму покой. Геральт наблюдал за ними со стороны, не вмешиваясь, чувствуя себя чужим в этом хрупком мире исцеления. Его стихией был бой, а не выздоровление. Он уже собирался уходить, когда на рассвете четвертого дня в дверь сторожки постучали — негромко, но настойчиво, с той особой властной интонацией, которую невозможно спутать ни с чем.

На пороге стоял королевский гонец. Его плащ был покрыт дорожной пылью, конь под ним тяжело дышал, а лицо хранило выражение мрачной, сосредоточенной тревоги. Он протянул Геральту свиток, запечатанный алой сургучной печатью с изображением коронованного льва — гербом правящей династии Эрданов, и отступил на шаг, ожидая. Геральт сломал печать и пробежал глазами по строкам, написанным торопливым, нервным почерком королевского секретаря. С каждым прочитанным словом его лицо становилось все мрачнее. Анна, заметив перемену, подошла ближе, вытирая руки о передник.

— Что случилось? — спросила она тихо, вглядываясь в его потемневшие глаза.

— Король Джерард Третий мертв, — ответил Геральт, сворачивая пергамент. — Убит три дня назад в собственной опочивальне. Официальная версия — внезапная болезнь. Но канцлер подозревает иное. Он вызывает меня в столицу для тайного расследования. Немедленно.

В воздухе повисла тяжелая пауза. Анна перевела взгляд на Лиру, которая спала на соломенной подстилке, а затем снова на Геральта. В ее глазах мелькнуло что-то, похожее на решимость.

— Я еду с тобой, — сказала она так просто, словно речь шла о прогулке на рынок.

— Это не твоя война, травница, — покачал головой Геральт. — Там, куда я направляюсь, пахнет не целебными травами, а дворцовыми интригами и кровью. Тебе там не место.

— Ты ничего не знаешь о дворцовых интригах, чародей, — усмехнулась Анна, но усмешка вышла невеселой. — Я выросла не в лесу. Мой отец был лекарем при дворе Джерарда, пока его не отравили восемь лет назад за то, что он слишком много знал. Я знаю все потайные ходы Эрданского замка, знаю в лицо каждого придворного и знаю, кто кому приходится врагом, должником и тайным союзником. Без меня ты будешь слеп, как новорожденный котенок.

Геральт долго смотрел на нее, взвешивая сказанное. Он был магом Огня, его сила заключалась в прямом действии, в открытом противостоянии. Тонкие политические игры были ему чужды. Он видел людей насквозь, когда дело касалось их страхов и желаний, но ядовитые паутины дворцовых заговоров требовали иного чутья. Чутья, которым, судя по всему, обладала эта странная травница с руками целительницы и глазами, видевшими слишком много.

— Хорошо, — произнес он наконец. — Но Лира останется здесь. За ней присмотрят. А ты будешь следовать моим указаниям беспрекословно, если дело дойдет до опасности.

Анна кивнула, и спустя час, оставив девочку на попечение старой лесничихи, они уже скакали по тракту, ведущему к столице. Гонец сопровождал их мрачной тенью, храня молчание. Всю дорогу Анна рассказывала — спокойно, обстоятельно, словно читала лекцию по придворной медицине. Она поведала о том, что король Джерард, несмотря на внешнюю власть, был человеком слабого здоровья и еще более слабой воли. Реальная власть уже много лет находилась в руках трех фигур: королевы-матери Изольды, женщины холодной и расчетливой, канцлера Годрика, хитрого политика, умевшего усидеть на двух стульях одновременно, и герцога Норберта, главнокомандующего королевской армией, мрачного вояки, презиравшего любые проявления магии. У каждого из них были свои мотивы желать смерти короля. Королева-мать хотела править через младшего сына, юного принца Эдварда, который был мягче и податливее брата. Канцлер был замешан в торговых махинациях с эльфами Восточного Леса, и король незадолго до смерти начал задавать неудобные вопросы. А герцог Норберт откровенно ненавидел Джерарда за его трусость во время пограничной войны с северными баронами два года назад.

Геральт слушал молча, запоминая каждое имя, каждую деталь. Он знал, что в таких делах мелочей не бывает. Одна неверно истолкованная улика, один незамеченный взгляд могут стоить жизни не только им, но и всему королевству. Когда шпили Эрданского замка показались на горизонте, окутанные серой дымкой осеннего тумана, солнце уже клонилось к закату. Столица встретила их непривычной тишиной. Улицы были пустынные, лавки закрыты, а редкие прохожие жались к стенам домов, бросая на всадников испуганные взгляды. Траур по королю был объявлен, но в воздухе висело нечто большее, чем скорбь. Это был страх — липкий, душливый, просачивающийся сквозь ставни и замочные скважины.

Канцлер Годрик принял их в своем личном кабинете, расположенном в северной башне замка. Это был сухой, жилистый старик с бегающими глазами и длинными нервными пальцами, которые он постоянно сплетал и расплетал, словно пытался связать невидимую нить. Он оглядел Анну с плохо скрываемым удивлением, но, узнав в ней дочь покойного королевского лекаря, лишь кивнул, не задавая лишних вопросов.

— Я рад, что ты прибыл так скоро, Арбитр, — заговорил он, нервно расхаживая по кабинету. — Ситуация хуже, чем можно представить. Официально король скончался от лихорадки. Я лично подписал это заключение, чтобы избежать паники и дать тебе время на расследование. Но правда в том, что его убили. И убили с помощью магии.

Геральт напрягся. Магическое убийство королевской особы было делом неслыханным. Все придворные чародеи находились под строжайшим контролем, их силы были ограничены особыми артефактами-подавителями.

— Какие доказательства? — спросил он.

— Никаких, — развел руками канцлер. — В том-то и дело. Придворный маг, мэтр Корнелиус, осмотрел тело и не нашел ни малейших следов магического воздействия. Вообще никаких. Смерть выглядит абсолютно естественной. Но я знаю Джерарда. Я служил ему двадцать лет. Он не мог умереть просто так, в расцвете лет, пусть и не отличаясь богатырским здоровьем. И есть еще кое-что...

Канцлер остановился и понизил голос до шепота.

— За день до смерти король получил послание. Он не показал его никому, даже мне. Но я видел, как он читал его. Его лицо стало белее снега. Он бросил пергамент в камин, а затем долго сидел, глядя в огонь. А на следующее утро его нашли мертвым. И знаешь, что самое странное? Пепел из того камина исчез. Слуги клянутся, что не прикасались к нему. Но когда я пришел осмотреть комнату, камин был девственно чист. Ни клочка, ни уголька.

Геральт переглянулся с Анной. В ее глазах он увидел то же, что чувствовал сам — холодок пробегающей по спине тревоги. Кто-то не просто убил короля. Кто-то уничтожил все возможные улики, включая пепел, который, как известно любому магу Огня, хранит память о том, что было сожжено. Это говорило о том, что убийца знал о свойствах магического пламени и действовал на опережение. И это сужало круг подозреваемых до тех, кто имел доступ и к королю, и к магическим знаниям.

— Я хочу видеть тело, — твердо произнес Геральт. — Немедленно.

Тело короля покоилось в подземной усыпальнице, куда их провели тайным ходом, минуя стражу. В холодном каменном склепе горели редкие факелы, отбрасывая на стены пляшущие тени. Джерард Третий лежал на каменном постаменте, облаченный в парадные одежды, с короной, возложенной на грудь. Его лицо, восковое и застывшее, хранило странное выражение не то удивления, не то ужаса. Геральт склонился над телом, и его магическое зрение обострилось до предела. Он прощупывал эфирное тело покойного, ища следы постороннего вмешательства, остаточные эманации заклинаний, искажения энергетических потоков. Ничего. Абсолютная, стерильная пустота. Смерть была настолько естественной, что это само по себе казалось подозрительным.

— Ты была права, — прошептал он Анне, которая стояла рядом, сжимая в руках небольшой мешочек с какими-то травами. — Ничего. Слишком чисто.

— Позволь мне, — так же тихо ответила она.

Она подошла к телу и извлекла из мешочка щепотку сухих листьев — Геральт узнал шалфей и что-то еще, с резким, незнакомым запахом. Анна растерла травы в ладонях и медленно провела руками вдоль тела короля, не касаясь его, на расстоянии ладони. Ее губы беззвучно шевелились, но это не было заклинание в магическом понимании. Это была древняя практика травниц, нечто среднее между знахарством и интуитивным чувствованием живой и мертвой материи. Внезапно она замерла, и ее рука задержалась над грудью короля, в области сердца.

— Здесь, — выдохнула она. — Здесь что-то есть. Не магия, нет. Яд. Но не простой, не растительный. Я знаю все яды этого мира, и ни один из них не оставляет таких следов. Это что-то другое. Что-то, что пахнет... пахнет ночной фиалкой и сырой землей. Очень слабо, почти неуловимо, но оно здесь.

Геральт приблизился, концентрируя восприятие в той области, на которую указала Анна. И лишь теперь, зная, куда смотреть, он уловил это — микроскопическую, почти полностью рассеявшуюся структуру, не принадлежащую ни к одной известной ему школе магии. Она была чужеродной, словно пришедшей из другого мира или другого времени. В ней чувствова-

лась древняя, холодная сила, и она имела очень специфический резонанс. Эльфийская магия. Запрещенная, изгнанная из человеческих земель еще двести лет назад после Великого Разлома, когда эльфы ушли за Восточный Лес, подняв непроходимую стену туманов.

— Это работа не придворного мага, — медленно произнес Геральт, выпрямляясь. — Это эльфийское проклятие. Очень тонкое, наложенное мастером высочайшего уровня. Оно не оставляет следов обычной магии, потому что действует на самую суть жизни, а не на ее магическую оболочку. Оно останавливает сердце так, словно оно само решило остановиться. Вот почему мэтр Корнелиус ничего не нашел. Он искал не там.

Канцлер, стоявший у дверей, побледнел как полотно.

— Эльфы? Но зачем? Договор о ненападении соблюдается уже два столетия. Торговля через нейтральную полосу идет своим чередом...

— Вы сами сказали, что король начал задавать вопросы о ваших торговых махинациях с эльфами, — перебил его Геральт. — Возможно, вопросы были неудобными не только для вас, канцлер. Возможно, эльфам было что скрывать. И теперь король мертв, а единственная улика уничтожена. Кто-то в замке помог им. Кто-то, кто знал о послании, кто имел доступ к королевским покоям и кто достаточно сведущ в магии, чтобы заметить и уничтожить даже пепел, хранящий память.

В этот момент дверь усыпальницы с грохотом распахнулась. На пороге стоял герцог Норберт — огромный, закованный в доспехи даже в этот поздний час, с рукой, лежащей на эфесе меча. Его лицо, изборожденное шрамами, выражало холодную ярость.

— Что здесь происходит? — прорычал он, переводя тяжелый взгляд с канцлера на Геральта и Анну. — Кто позволил посторонним находиться у тела моего короля?

— Это мое решение, герцог, — ответил Годрик, и его голос неожиданно обрел стальную твердость. — Геральт из Кресс-Вилла — Королевский Арбитр. Он здесь по моему вызову.

— Арбитр? — Норберт усмехнулся, и усмешка эта не предвещала ничего хорошего. — Маг, который сует свой нос в дела, его не касающиеся? Я знаю, зачем ты здесь, Пиромант. Ты ищешь убийцу. А я скажу тебе, где его искать. Убийца — тот, кто ненавидел короля больше всех, тот, кто плел интриги за его спиной, кто использовал запретную магию для своей выгоды. И этот человек — канцлер Годрик. У меня есть свидетели, которые видели, как он входил в покои короля за час до его смерти.

Канцлер побледнел еще сильнее, но не отступил.

— Это ложь! Я действительно был у короля, но я лишь выполнял его поручение. А вот вы, герцог, уже несколько месяцев тайно встречались с эльфийскими посланниками в Восточной Башне. Я знаю об этом, и король знал. Именно об этом он и собирался объявить на Совете, который должен был состояться в день его смерти.

В усыпальнице повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием факелов. Геральт переводил взгляд с одного вельможи на другого, и его магическое чутье улавливало волны противоречивых эмоций — страх, ненависть, отчаяние и что-то еще, что-то темное и

скрытое, исходящее отовсюду и ниоткуда одновременно. Анна молча стояла рядом, но он чувствовал, как напряжены ее мышцы, как она готова в любой момент действовать, хоть и не обладала боевой магией.

— Довольно, — произнес Геральт, и его голос, усиленный магией, прозвучал как раскат грома, заставив обоих спорщиков вздрогнуть. — Вы оба обвиняете друг друга, но ни один из вас не говорит всей правды. Я чую ложь с обеих сторон, и это гнилое облако застилает мне глаза. Но я найду истину, даже если для этого мне придется сжечь все маски в этом замке.

Герцог Норберт шагнул вперед, и его рука сжала рукоять меча.

— Ты угрожаешь мне, колдун? В моем замке, у тела моего короля?

— Это не ваш замок, герцог, — раздался новый голос от дверей. Все обернулись. В проеме стояла королева-мать Изольда, закутанная в черные траурные одежды. Ее лицо было бледным и неподвижным, как мраморная маска. — Замок принадлежит короне. А корона пока не короновала нового правителя. И я, как регент, приказываю всем немедленно покинуть усыпальницу. Арбитр продолжит расследование с моего полного позволения. И горе тому, кто попытается ему помешать.

Она посмотрела прямо на Геральта, и в ее темных глазах он увидел нечто, от чего его магическое чутье забилося в тревоге. За внешним спокойствием королевы-матери скрывался ледяной расчет и... удовлетворение? Словно происходящее было частью какого-то ее собственного плана. Годрик и Норберт, повинувшись приказу, медленно вышли, бросая друг на друга полные ненависти взгляды. Королева задержалась на мгновение.

— Я знаю, о чем ты думаешь, маг, — произнесла она тихо, так, чтобы слышал только он. — Ты видишь перед собой старуху, которая рада смерти сына, чтобы править через младшего. Но правда сложнее. Мой старший сын не был святым. Он заключил сделку, которая грозила уничтожить все королевство. И его смерть — это не конец, а лишь начало. Если ты действительно хочешь найти правду, ищи того, кому была выгодна не просто смерть короля, а хаос, который за этим последует.

Она бросила короткий взгляд на Анну, задержавшись на ее травяном мешочке, и вышла, оставив их в гулкой тишине склепа. Геральт почувствовал, как рука Анны коснулась его локтя.

— Она знает больше, чем говорит, — прошептала травница. — Все трое знают. Каждый из них что-то скрывает. И эльфийский след, и яд, который я почувствовала... они как-то связаны. Но я не понимаю как.

— Значит, будем распутывать этот клубок нить за нитью, — ответил Геральт, глядя на застывшее лицо мертвого короля. — И первая нить — это пропавший пепел из камина. Я должен восстановить его, даже если для этого придется обратиться к самой сути Огня. Есть одно заклинание, очень древнее и очень опасное. Оно называется Память Пепла. Оно позволяет воссоздать сожженный предмет по его эфирному отпечатку в пламени, которое его поглотило. Но для этого мне нужен доступ в королевские покои и полная тишина. И еще — мне понадобится твоя помощь, Анна. Не как травницы, а как единственного человека в этом замке, кому я могу доверять.

Анна посмотрела на него долгим, изучающим взглядом, в котором читалось что-то новое — не просто союзничество, а зарождающаяся, пока еще хрупкая связь, скрепленная общей тайной и общей опасностью.

— Ты получишь и доступ, и помощь, — сказала она. — Но знай, Геральт из Кресс-Вилла: в тот момент, когда ты восстановишь это послание, мы станем мишенью для всех, кто замешан в убийстве. А судя по тому, что мы видели сегодня, это почти весь королевский двор.

Геральт кивнул, и в его серебристых глазах отразилось пламя факелов. Он знал, на что шел. Огонь всегда требует жертв, и правда — это самый опасный огонь из всех. Но иного пути не было. Где-то впереди, в лабиринте лжи и предательства, скрывался убийца, действовавший с искусством, достойным лучших магов древности. И остановить его мог только тот, кто не боялся сгореть сам.

Глава третья: Ключ в пламени

Королевские покои встретили их гулкой тишиной и запахом увядших цветов. Кто-то из слуг поставил у изголовья кровати букет белых лилий, и они уже начали подгнивать, источая приторно-сладкий аромат тления. Геральт плотно закрыл за собой дверь, задвинул тяжелый засов и повернулся к камину. Тот зиял чернотой, безупречно чистый, словно его никогда не касалось пламя. Ни уголька, ни пылинки сажи. Только холодный мрамор облицовки и едва уловимый запах щелока, которым слуги вымыли каминную решетку.

Анна медленно обошла комнату, касаясь пальцами предметов так, словно пыталась считать с них память. Она остановилась у письменного стола, провела ладонью над столешницей и нахмурилась.

— Здесь тоже все вычищено, — произнесла она тихо. — Слишком тщательно. Даже пыльцы растений нет, а я знаю, что король любил, чтобы в покоях стояли живые цветы. Слуги говорят, что за день до смерти он сам выбросил их в окно. К чему такая спешка?

— Он уничтожал следы, — отозвался Геральт, не сводя глаз с камина. — Знал, что письмо опасно, и хотел избавиться от него. Но не знал, что пепел можно прочесть. А тот, кто пришел за ним следом, знал.

Он опустился на колени перед камином и закрыл глаза. Внутренним зрением он искал отголоски того огня, что горел здесь несколько дней назад. Обычный глаз не увидел бы ничего, но Пиромант воспринимал реальность иначе. Каждое пламя оставляет в мире невидимые отпечатки — тончайшие нити тепловой памяти, которые рассеиваются медленно, иногда месяцами. Даже если убрать пепел, даже если отмыть камни щелоком, эфирный след остается. Его нельзя уничтожить физически, только магически. И тот, кто убрал пепел, либо не знал этого, либо не умел работать с огненной стихией на достаточном уровне.

Геральт протянул руки вперед, и с его ладоней сорвались тонкие, почти невидимые струйки золотистого света. Они поползли по стенкам камина, словно живые, прощупывая каждый камень, каждый шов, каждый выступ. Анна затаила дыхание, наблюдая. Она уже видела, как он изгонял элементалей, но то была грубая сила. Сейчас же перед ней разворачивалось нечто иное — ювелирная работа мастера, искусство на грани невозможного.

Золотистые нити добрались до задней стенки камина и внезапно запульсировали, меняя цвет на тревожный алый. Геральт открыл глаза.

— Здесь. Остаточный след. Очень слабый, но я могу его усилить.

Он начал читать заклинание на древнем языке, который Анна не знала. Слова звучали глухо и гортанно, как треск поленьев в костре. Воздух в комнате задрожал, нагреваясь. Камин наполнился призрачным свечением, и в нем начали проступать очертания — размытые, дрожащие, но узнаваемые. Это были буквы. Строки, написанные на пергаменте, который уже сгорел, но оставил свой отпечаток в памяти огня.

— Я вижу, — прошептал Геральт, вглядываясь в пляшущие тени. — Письмо было коротким. Всего несколько фраз. "Ваше Величество, сделка, которую вы заключили с Народом Леса, расторгнута. То, что вы укрываете в Серой Башне, должно быть возвращено до полнолуния. В противном случае корона узнает о вашем предательстве. Пламя помнит. Пламя не прощает". Подписи нет. Только символ — стилизованный лист ясеня, объятый огнем.

Призрачные буквы дрогнули и начали таять, но Геральт успел выхватить из них еще один образ. В углу пергамента, помимо основного послания, была приписка, сделанная более мелким, почти неразборчивым почерком. Четыре слова. Он напряг все свои силы, чтобы прочесть их, прежде чем видение исчезнет окончательно.

— "Ключ... спрятан... в... пламени", — произнес он по слогам.

В тот же миг камин ослепительно вспыхнул, и Геральта отбросило назад взрывной волной раскаленного воздуха. Анна едва успела подхватить его, не дав удариться головой о край стола. По комнате разнесся запах гари и чего-то еще — того самого аромата ночной фиалки и сырой земли, который она почувствовала на теле короля.

— Ловушка, — прохрипел Геральт, поднимаясь на ноги. Его правая рука была обожжена, но он почти не обращал на это внимания. — Письмо было зачаровано. Тот, кто его отправил, предусмотрел возможность восстановления. Если кто-то попытается прочесть пепел, срабатывает защитное заклинание. Оно почти выжгло мне глаза.

— Дай посмотрю, — Анна уже доставала из своего мешочка мазь с алоэ и календулой. Ее пальцы были быстрыми и уверенными, а лицо — сосредоточенным и спокойным, словно она не сидела только что в эпицентре магического взрыва. — К счастью, ожог неглубокий. Но тебе нужно беречь руку хотя бы день. А это значит, что драться ты пока не сможешь.

— Я и не планировал, — усмехнулся Геральт, но усмешка вышла невеселой. — Зато теперь у нас есть зацепки. Серая Башня. Сделка с эльфами. И ключ, спрятанный в пламени. Что бы это ни значило.

Он подошел к окну и распахнул тяжелые ставни. Внизу, во внутреннем дворе замка, было непривычно тихо. Слишком тихо для часа, когда обычно сменяется стража. Он прищурился, вглядываясь в темноту, и магическое зрение показало ему то, чего не видел обычный глаз. Пять, нет, шесть фигур, скользящих вдоль стены. Они двигались бесшумно, с пластикой хищников, и от них веяло той же холодной, чужеродной магией, которую он почувствовал на теле короля. Эльфийские ассасины. Здесь, в самом сердце человеческой столицы.

— Анна, отойди от двери, — произнес он негромко, но с такой интонацией, что она мгновенно повиновалась.

В следующую секунду окно позади них разлетелось вдребезги. В комнату влетели три фигуры — высокие, гибкие, закутанные в серые плащи с капюшонами. Их лица скрывали маски из тонкой кожи, а в руках блестели изогнутые клинки, по лезвиям которых струился бледно-голубой яд. Геральт не успел бы сотворить полноценное заклинание, даже если бы его рука не была обожжена. Но он был Пиромантом, а Пиромант не нуждается в заклинаниях, когда его жизнь висит на волоске. Он взмахнул здоровой рукой, и воздух перед ним сгустился в ослепительный огненный щит. Ассасины отшатнулись, но лишь на мгновение. Один из них

метнул в щит небольшой стеклянный шар, который, разбившись, выпустил облако черного, удушливого дыма. Пламя щита зашипело, уменьшаясь. Эльфы знали, как бороться с магией Огня.

— В коридор! — крикнул Геральт, отступая к двери и прикрывая Анну.

Но едва он коснулся засова, как дверь с той стороны содрогнулась от мощного удара. Еще один ассасин пытался выбить ее. Они были в ловушке. Анна, вместо того чтобы паниковать, вдруг рванулась к столу и схватила тяжелый бронзовый подсвечник.

— Дым, — быстро заговорила она, — в нем есть экстракт белладонны и еще что-то, что я не узнаю. Он подавляет магию. Если они захватят комнату, ты не сможешь колдовать.

— Значит, мы не дадим им захватить комнату, — ответил Геральт.

Он прижал Анну к стене рядом с камином и вскинул руку, концентрируя всю доступную энергию. Огненный щит погас, но вместо него из ладони вырвался узкий, как игла, луч пламени. Он ударил не в ассасинов, а в потолок над ними. Каменная кладка дрогнула, и сверху посыпались тяжелые балки перекрытия. Геральт направил пламя точными, выверенными импульсами, обрушивая потолок именно там, где стояли враги. Двое ассасинов успели отпрыгнуть, но третий был погребен под обломками. Оставшиеся двое переглянулись и синхронно метнулись в разные стороны, заходя с флангов.

В этот момент дверь наконец поддалась, и в комнату ворвался четвертый убийца. Он был крупнее остальных и держал в руках не клинки, а короткий жезл, покрытый резными рунами. Анна, не раздумывая ни секунды, швырнула в него подсвечник. Тяжелая бронза попала точно в висок, и ассасин пошатнулся. Этого мгновения Геральту хватило, чтобы перехватить инициативу. Он не стал атаковать жезл напрямую — это было бы слишком опасно. Вместо этого он ударил струей огня по полу, создавая огненную стену, которая отрезала ассасинов от них.

— Уходим! Через потайной ход! — крикнула Анна, хватая его за руку.

Она подбежала к камину, нажала на один из камней в задней стенке, и часть кладки бесшумно отъехала в сторону, открывая узкий темный проход. Тайный ход, о котором она знала еще с детства, когда ее отец служил при дворе и часто водил ее этими коридорами во время игр. Геральт нырнул в проем следом за ней, и каменная плита встала на место как раз в тот момент, когда огненная стена начала гаснуть.

Они бежали в полной темноте по извилистому коридору, стены которого сочились влагой и плесенью. Анна ориентировалась по памяти, считая шаги и повороты. Где-то позади слышались приглушенные голоса и звуки ударов — ассасины искали вход в потайной ход. Но пока безуспешно. Через несколько минут коридор привел их в небольшую круглую комнату без окон, освещенную единственным магическим кристаллом, вделанным в потолок. Это была одна из забытых комнат старого замка, о существовании которой знали лишь немногие.

— Мы в безопасности, по крайней мере на время, — выдохнула Анна, опускаясь на каменную скамью. — Но как они нашли нас так быстро? Мы только начали расследование!

— Они следят за замком, — ответил Геральт, осматривая ожог. — Возможно, у них есть осведомитель среди придворных. А возможно, их навел тот самый маг, который наложил проклятие на короля. Он почувствовал, что я активировал Память Пепла, и послал убийц.

Он замолчал, обдумывая то, что они узнали. Серая Башня. Название было ему знакомо, но он никак не мог вспомнить откуда. И ключ, спрятанный в пламени. Эта фраза не давала ему покоя. Если письмо было эльфийским, то и ключ должен быть связан с эльфийской магией. Но при чем здесь пламя? Эльфы никогда не владели магией Огня. Их стихиями были Земля, Вода и Воздух. Огонь был чужд им, они боялись его и ненавидели.

— Анна, — произнес он медленно, — что ты знаешь о Серой Башне?

Травница подняла на него глаза, и в их зеленой глубине мелькнуло воспоминание, смешанное с болью.

— Это тюрьма, — ответила она тихо. — Тайная тюрьма для магов, которых корона считает опасными. Ее построили после Великого Разлома, когда люди и эльфы разделились. Официально она не существует. Ни в одном документе вы не найдете упоминания о ней. Но мой отец знал. Его несколько раз вызывали туда лечить заключенных. Он никогда не рассказывал мне подробностей, но однажды, вернувшись оттуда, он был сам не свой. Я слышала, как он говорил матери, что там держат не только магов. Что в самом нижнем уровне есть камера, закрытая печатью, которую не может снять ни один человеческий чародей. Он называл ее "Камера Пепла". И еще он сказал, что то, что там заперто, не должно никогда выйти на свободу.

Геральт почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Камера Пепла. Ключ спрятан в пламени. Все сходилось. Король что-то прятал в Серой Башне. Что-то, связанное с эльфами. Что-то, что они хотели вернуть любой ценой. И это "что-то" было заперто печатью, ключ к которой был скрыт в огне. В его огне. В единственной стихии, которой эльфы не могли управлять.

— Кажется, я понимаю, — произнес он, глядя на свою обожженную ладонь, по которой все еще пробегали крошечные искры. — Король не просто прятал что-то от эльфов. Он спрятал это так, чтобы только Пиромант мог открыть печать. Он знал, что однажды это понадобится. И он оставил подсказку в письме, надеясь, что тот, кто будет расследовать его смерть, окажется достаточно умен, чтобы ее понять.

В этот момент стена круглой комнаты содрогнулась от мощного удара. Потом еще одного. И еще. Каменная пыль посыпалась с потолка, кристалл замигал, теряя силу. Ассасины нашли их. И на этот раз у них было что-то более мощное, чем клинки и жезлы. За стеной нарастал низкий, вибрирующий гул, который Геральт узнал мгновенно. Заклинание разрушения. Очень древнее, очень запрещенное. Эльфы решили не рисковать и просто похоронить их под руинами.

— Второй выход! — крикнул он, оглядывая комнату.

— Нет второго выхода! — в отчаянии ответила Анна. — Эта комната была тупиком. Отец говорил, что здесь хранили старые свитки, пока...

Она не договорила. Ее взгляд упал на стену напротив, где виднелся едва заметный контур арки, заложеной кирпичами. Контур, который слабо светился в ответ на искры, все еще слетавшие с руки Геральта. Она вспомнила. Отец что-то говорил о "вратах, которые откроются только перед истинным пламенем". Тогда она думала, что это просто легенда.

— Геральт! — она схватила его за плечо и развернула лицом к арке. — Твоя рука! Искры! Они реагируют на стену!

Геральт шагнул к заложеной арке и поднял обожженную ладонь. Искры на его пальцах заплясали быстрее, ярче, и стена перед ним начала меняться. Кирпичи наливались золотистым светом, становясь прозрачными, как янтарь. В центре арки проступил контур замочной скважины — вытянутый, похожий на язык пламени. Ключ, спрятанный в пламени. Он понял. Это был не физический ключ. Это был он сам. Его магия, его суть, его связь с Огнем.

Он вложил руку в светящийся контур, и стена исчезла, открывая длинный коридор, уходящий вниз, в темноту. Позади раздался оглушительный грохот — стена круглой комнаты начала рушиться. Геральт схватил Анну за руку и шагнул в проход. Арка за их спинами сомкнулась, отрезая звуки разрушения и крики преследователей. Они оказались в полной тишине, в коридоре, который вел в неизвестность. Единственным источником света была рука Геральта, все еще испускавшая золотистое свечение.

— Куда ведет этот ход? — спросил он.

— Я не знаю, — честно ответила Анна. — Этого нет ни на одной карте. Но если верить направлению... он ведет под реку. Под старый город. Туда, где, по слухам, находились подземелья еще до прихода людей. До Великого Разлома. Когда эльфы и люди жили вместе.

Геральт посмотрел в темноту коридора, и его сердце забилося быстрее. Он чувствовал, что впереди их ждет нечто важное. Нечто, что связывало убийство короля, эльфийских ассасинов и его собственный дар в единый узел. Где-то там, в глубине, под древними камнями, скрывалась Серая Башня и ее тайны. И ключ к этим тайнам горел сейчас в его ладони, ожидая своего часа.

Глава четвертая: Сыворотка истины

Подземный ход уводил их все глубже, и воздух становился тяжелым, спертым, пропитанным древней сыростью и чем-то еще — едва уловимым запахом, который Геральт не мог распознать. Он напоминал одновременно ладан и тлен, святость и запустение. Анна шла впереди, ведя ладонью по шершавой стене, и ее губы беззвучно шевелились, словно она читала невидимые письма, начертанные на камнях. Временами она останавливалась, прислушиваясь, и тогда Геральт тоже замирал, хотя не слышал ничего, кроме биения собственного сердца и далекого, едва различимого гула подземных вод.

Прошло не меньше часа, прежде чем коридор привел их к массивной дубовой двери, окованной ржавым железом. Она была приоткрыта, и сквозь щель пробивался тусклый, желтоватый свет. Геральт осторожно толкнул створку, и они оказались в помещении, которое явно не было заброшенным. Вдоль стен тянулись стеллажи, уставленные пыльными фолиантами, стеклянными колбами и керамическими горшками с засушенными травами. Посередине стоял грубо сколоченный стол, заваленный свитками и инструментами, а в углу, на железной жаровне, тихо булькал котелок, источая тот самый горьковато-сладкий аромат, смешанный с ладаном. Это была алхимическая лаборатория, спрятанная в подземелье так глубоко, что о ней не знал, вероятно, никто из ныне живущих обитателей замка.

Но в лаборатории кто-то был. За столом, сгорбившись над ступкой, сидел старик в заляпанной реагентами мантии, с длинной седой бородой, заправленной за пояс, и носом, напоминающим клюв хищной птицы. Он даже не поднял головы, когда они вошли, лишь недовольно проворчал что-то себе под нос и продолжил растирать пестиком какой-то сероватый порошок.

— Закройте дверь, сквозит, — бросил он скрипучим голосом. — И не топчите так, будто стадо грифонов. У меня тут реактивы тонкой настройки, от вибраций могут детонировать.

Геральт и Анна переглянулись. Старик явно не был удивлен их появлением. Более того, он вел себя так, словно ждал гостей. Анна сделала шаг вперед, вглядываясь в лицо незнакомца, и вдруг ахнула.

— Мастер Теодорик? — произнесла она дрогнувшим голосом. — Но этого не может быть. Вы... вы умерли. Десять лет назад. Мой отец был на ваших похоронах.

Старик наконец поднял голову, и его выцветшие, почти белые глаза уставились на Анну с каким-то сонным любопытством. Потом он улыбнулся беззубой улыбкой и отставил ступку в сторону.

— А, маленькая Анна, дочка Виллема-травника, — проскрипел он, потирая костлявые руки. — Помню, помню. Ты еще в детстве таскала у меня из лаборатории сушеную малину, думая, что это конфеты. Я тогда сказал твоему отцу, что из тебя выйдет толк. И, судя по твоему травяному мешочку, я не ошибся. А похороны... что ж, иногда лучший способ продолжить работу — это позволить всем думать, что ты мертв. Особенно когда работаешь над вещами, за которые корона и Орден Магов с радостью упекут тебя в Серую Башню.

Геральт шагнул вперед, привлекая внимание старика. Его ладонь все еще слабо светилась остаточным огнем, и Теодорик, заметив это, одобрительно кивнул.

— Пиромант, — произнес он с уважением. — Давно не видел вашего брата. Последний раз, кажется, лет пятьдесят назад, когда еще работал с магистром Альриком над эликсиром огнестойкости. Вздорный был старик, но талантливый. Ты, я вижу, помоложе будешь, но сила в тебе немалая. Что ж, раз вы нашли этот ход, значит, дело плохо. Рассказывайте.

Геральт вкратце изложил суть: убийство короля, эльфийское проклятие, засада в королевских покоях, погоня и обрушение тоннеля. Теодорик слушал молча, поглаживая бороду, и его лицо становилось все мрачнее. Когда Геральт упомянул Серую Башню и Камеру Пепла, старик резко поднялся и подошел к одному из стеллажей, доставая оттуда пухлый том в потемневшем кожаном переплете.

— Серая Башня, — пробормотал он, листая страницы. — Значит, Джерард все-таки влез в это. Глупец. Я предупреждал его еще десять лет назад, когда он только взошел на престол. Говорил: не трогай наследие Разлома, оно погубит тебя. Но он не послушал. Он был слабым королем, а слабые короли ищут силу в опасных местах.

Он захлопнул книгу и посмотрел на Анну долгим, оценивающим взглядом.

— Чтобы распутать этот клубок, вам нужно узнать правду, — продолжил он. — Но правду не скажет ни канцлер, ни герцог, ни королева-мать. Каждый из них лжет, даже если сам верит в свою ложь. Вам нужен способ развязать им языки. И у меня есть такой способ.

Он подошел к столу и взял с него небольшой флакон из темно-синего стекла. Внутри колыхалась жидкость, бесцветная и прозрачная, как родниковая вода, но когда флакон наклонили, в ней заиграли крошечные серебристые искры.

— Сыворотка истины, — произнес Теодорик с гордостью. — Тридцать лет работы. Девять сотен экспериментов. И три добровольца, которые, к сожалению, не пережили испытаний. Но результат перед вами. Три капли этого состава, добавленные в вино или воду, заставят любого человека говорить только правду в течение часа. Не ту правду, которую он считает истиной, а ту, которая является истиной на самом деле. Сыворотка проникает в разум, минуя все ментальные блоки, все самообманы, все выстроенные годами иллюзии. Человек становится неспособным лгать. Более того, он сам хочет рассказать все, что знает. Это непреодолимый импульс, который невозможно подавить никакой силой воли.

Геральт протянул руку к флакону, но Теодорик отдернул его с неожиданной резвостью.

— Не так быстро, Пиромант, — проскрипел он. — Это вещь опасная. У сыворотки есть два побочных действия. Во-первых, после того как действие закончится, человек заснет глубоким сном на несколько часов и, проснувшись, не будет помнить ни слова из сказанного. Это удобно. Но во-вторых... в течение часа, пока сыворотка работает, сердце испытуемого подвергается огромной нагрузке. Если у него слабое сердце, он может умереть. Прямо во время допроса. Ты должен быть абсолютно уверен, что тот, кому ты дашь это снадобье, достаточно здоров. Иначе ты станешь убийцей не хуже тех, кто отравил короля.

Анна взяла флакон из рук старика и поднесла к свету магического кристалла. Ее глаза, зеленые и цепкие, изучали жидкость с профессионализмом потомственной травницы.

— Что в составе? — спросила она. — Я узнаю настойку корня валерианы для снятия сопротивления, экстракт белены для подавления воли... и что-то еще. Что-то, чего я не знаю.

Теодорик одобрительно хмыкнул.

— Хороший нюх, девочка. Третьего компонента ты не знаешь, потому что его не существует в природе. Это алхимический синтез, который я называю "эссенция чистой правды". Я получил его, перегоняя лунный камень, растворенный в слезах невинно осужденного. Не спрашивай, где я взял слезы, — это долгая и печальная история. Но именно этот компонент заставляет разум отбросить все иллюзии и увидеть мир таким, каков он есть. Без прикрас, без лжи, без спасительного самообмана. Знаешь, почему большинство людей предпочитают ложь? Потому что правда слишком тяжела. Она жжет. Особенно та правда, которую человек прячет от самого себя.

Геральт взял флакон и спрятал его во внутренний карман плаща, рядом с сердцем. Он чувствовал легкое тепло, исходящее от стекла, словно сыворотка имела свою собственную, пульсирующую жизнь.

— Три капли, — повторил он. — Этого хватит на троих. Канцлер, герцог, королева-мать. Один из них знает больше, чем говорит. Возможно, все трое. Но как нам добраться до них? Замок кишит ассасинами, а мы числимся мертвыми под завалами.

Теодорик хитро улыбнулся и поманил их за собой в дальний угол лаборатории, где стоял большой платяной шкаф, источенный жучком. Распахнув скрипучие дверцы, он извлек оттуда два свертка.

— В этом замке полно тайных ходов, о которых не знают даже эльфийские лазутчики, — сказал он, протягивая свертки Геральту и Анне. — Я проведу вас в покои каждого из троих по очереди. Но сначала смените одежду. Слишком многие видели вас в лицо. Анна, твой отец оставил у меня кое-что на хранение много лет назад. Кажется, пришло время вернуть это тебе.

Анна развернула свертки и замерла. Внутри лежало платье из темно-зеленого бархата, расшитое серебряными нитями, и изящный пояс с множеством кармашков, наполненных редкими травами и готовыми снадобьями. Одевание придворной целительницы. То самое, в котором ее мать когда-то ходила по коридорам замка, прежде чем беда вынудила семью бежать в леса.

— Отец говорил, что мамино платье сгорело при пожаре, — прошептала она, касаясь дрожащими пальцами ткани.

— Он солгал, чтобы защитить тебя, — ответил Теодорик. — Это платье — не просто одежда. В его нити вплетены защитные руны. Оно убережет тебя от кинжала, но не от меча. И оно делает тебя невидимой для магического взора. Ни один эльфийский следопыт не почувствует твоего присутствия, пока ты в нем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.